

w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego. Toruń: TNOIK TORUŃ, 2010, 269 s.

9. Wyr. z dn. 13.04.1999, K 36/98.

10. Morawski L. Spór o pojęcie państwa prawnego. «Państwo i Prawo», 1994, z. 3–4.

11. Słownik języka polskiego pod redakcją M. Szymczaka, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994, wydanie IX, T. 1. 1103 s.

12. Sokolewicz W., Państwo prawne - jego cechy i kryteria, Kancelaria Sejmu. Biuro Studiów i Ekspertyz, Wydział Ekspertyz Prawnych, Informacja. nr 63, sierpień 1992. S. 1–4.

13. Tokarczyk R. Paradygmatyczne ujęcie koncepcyjnych i ustrojowych aspektów demokratycznego państwa prawa. URL: <http://www.romantokarczyk.pl/eseje/paradygma.html>. Data zwrotu 23.03.2018

14. European Commission - Speech President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2017, Brussels, 13 September 2017 URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm. Data zwrotu 23.03.2018.

15. The EU and the Rule of Law – What next? URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-677_en.htm. Data zwrotu 23.03.2018

16. Польша – новая проблема для Европы URL: <https://nv.ua/recommends/polsha-novaja-problema-dlja-evropy-2441474.html>. Data zwrotu 23.03.2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марчук Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права факультета № 4 Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marchuk Nikolay Ivanovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Faculty No. 4 of Kharkiv National University of Internal Affairs

Marchuk_m_i@ukr.net

УДК 340.1;340.132.8;347.9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК КОНЦЕПТ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Ярослав МЕЛЬНИК,

кандидат юридических наук, докторант
Института законодательства Верховной Рады Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся выяснения возможности применения антропологического подхода при исследованиях проблем в гражданском процессе. Отслеживается прямая связь с доктриной гражданского процессуального права и состоянием судебной практики. Ведь благодаря такому подходу и возможно выявить реальные (действительные) причины проблем в праве, в механизме правового регулирования, в коллизиях и конфликтах, зависимых и неблагоприятных состояний гражданского процесса. Всё это и охватывается конфликтным правом, которое нацелено на преодоление указанных проблем. Отмечается, что действия конфликтного права объясняются особой целью, обусловленной обеспечением безопасности относительно стабильности правопорядка при осуществлении правосудия по гражданским делам.

Ключевые слова: юридическая антропология, конфликтное право, аномалии в праве, процессуальная безопасность, гражданский процесс.

ANTHROPOLOGICAL MEASUREMENTS OF CIVIL PROCEDURAL LAW AS A CONCEPT OF ITS SECURITY

Yaroslav MELNIK,

Candidate of Law Sciences, Doctoral Student at the Institute of Legislation
of the Verkhovna Rada of Ukraine

SUMMARY

The article deals with the questions concerning the clarification of the possibility of applying the anthropological approach to the research of problems in the civil process. There is a direct link between the doctrine of civil procedural law and the state of the judicial practice. Indeed, thanks to this approach, it becomes possible to identify the real (actual) causes of problems in the law, in the mechanism of legal regulation, in conflicts, dependent and unfavorable conditions of the civil process. All this is covered by conflict law, which aims to overcome these problems. It is noted that the actions of conflict law are explained by the special purpose of providing security with regard to the stability of law and order in the implementation of justice in civil matters.

Key words: legal anthropology, conflict law, anomalies in law, procedural security, civil process.

Введение. Анализ законодательных новелл при реализации программы по адаптации законодательства Украины к требованиям законодательства ЕС, безусловно, требует взвешенного, последовательного и тщательного подхода.

Это и обуславливает необходимость не только новой научной оценки реального состояния системы отечественного гражданского судопроизводства, но и новых подходов, способных адекватно оценить и распознать новую (интегрированную) правовую материю, внедряющуюся в правовую систе-

му. В связи с этим очевидным встаёт вопрос о том, что доктринально-отраслевой инструментарий в современных условиях является не совсем приемлемым, не способным для адекватного получения ответов на такие важные вопросы, которые касаются оценки и анализа правовой действительности в процессуальном смысле. Именно поэтому на первый план выходят те проблемы, которые связаны с выявлением истоков, движением причин кризисных состояний, процессуальных конфликтов, аномалий и т.д., а, собственно, весь тот контент, который и привёл

к необходимости реформирования системы судопроизводства. В то же время этот аспект и обуславливает более чем очевидный (естественный) вопрос о необходимости провести исследование в плоскости правовой реальности состояния гражданского процессуального законодательства и гражданской процессуальной доктрины.

В связи с этим необходимо обратить внимание на тот факт, что качественное и полноценное обеспечение результатов исследования зависит уже не столько от какого-то устоявшегося подхода (методологически-правового инструментария), сколько от иного. Собственно, такого, которому было бы в силу наличия своей институциональной (и даже инструментальной) способности обеспечить качественное выявление, анализ действительных (реальных) проблем гражданского судопроизводства с одновременной возможностью их преодоления.

Наиболее близок к такой инструментально-способной функциональной принадлежности, думается, антрополого-правовой подход. Именно на нем сегодня все чаще акцентируют внимание ряд отечественных и зарубежных учёных-правоведов в области теории права. Это и обуславливает актуальность данного исследования.

Анализ доктринальной разработки. Поэтому, исходя из того, что на сегодняшний день сторонников исследователей проблем антропологии права становится все больше, то, следовательно, стоит указать на их наиболее ценные для нашего исследования труды и, по возможности, охарактеризовать их, указав на подлинность или ветхость представленных научных позиций.

Так, среди исследователей, научные труды которых так или иначе основаны на антропологических подходах относительно выявления и преодоления проблем в праве, можно выделить следующие и причём различных правовых школ. В частности, невозможно не указать исследования В. Завальнюка («Принцип антропологии права в теоретико-правовых исследованиях современности» (научная статья), 2012 г., Одесса; «Юридическая антропология о мифах позитивного права», «Вопросы антропологии государственности», «Становление антропологии как науки

в Украине» (подразделы коллективной монографии), 2012 г., Одесса; и другие), С. Максимова («Антропологические основы права» (научная статья), 2012 г., Харьков; и другие), Ю. Штурцева («Антропология права как форма научной деятельности» (научная статья), 2006–2007 гг.), Е. Булыгина («К проблеме объективности права» (Аргентина), научная статья, 2005 г.) и др.

Тут же вполне оправданно будет обратить внимание на одну из работ С. Шевчука, которая была непосредственно посвящена проблемам судопроизводства в контексте общетеоретической юриспруденции («Обеспечение единства судебной практики в условиях существования специализированной юриспруденции», часть раздела научного издания, 2013 г., Киев); а также научного труда Е. Лукьяновой («Теория процессуального права» (монография, РФ, 2003 г.).

К примеру, труд С. Шевчука характеризуется проблемными вопросами, сфокусированными на преодолении дихотомии в правоприменительной судебной практике, преодолением проблем, связанных с обеспечением единых подходов к судебному разбирательству, становлению единства судебной практики, а научный труд Е. Лукьяновой значительным образом касается исследования теоретического базисного инструментария процессуального права в целом.

Отдельно следует выделить научную работу В. Бегуна, в котором автор проводит исследование проблем правосудия под призмой философии («Философия правосудия: идея и осуществление» (монография), 2011 г.). Данная научная работа характеризуется как первая отечественная попытка осмыслить проблемы правосудия с философско-правовой точки зрения. В то же время стоит обратить внимание на то, что учёный, рассматривая антропологический аспект правосудия, фокусирует внимание преимущественно на вопросах справедливости и верховенства права, которые, без сомнения, крайне важны в силу того, что дают возможность познать положительный ориентир смысла правосудия в демократическом обществе. Однако вопросов, которые связывались с другой стороной правовой реальности, – об-

ратной производной проявления грани правосудия под антропологическим углом зрения оценки «состояния конфликтов», их выявления, осложнений, что так или иначе присуще процессуальной системе, как и характеристики способов их преодоления, к сожалению, не приводит [4, с. 36–41, 86].

Но такие подходы на доктринальном уровне не единичны, что позволяет сказать и о других исследователях уровня теории права, научные труды которых так или иначе основываются на антропологическом подходе. Ведь проблематика права в таких трудах фокусируется как бы «снаружи» на проблеме, создавая иллюзию «обтекания» реального состояния кривизны права, и, как следствие, проблема не преодолевается, характеризуясь в целом как бы описательным характером. Прежде всего следует отметить, что на лицо некое перманентное конфликтное состояние подходов не только к исследованиям, способным методологически точно обосновать суть проблемы, но и её разрешить. Преимущественно исследователи «обходят» эти вопросы, оставляют их без надлежащего внимания. Зато как в теории, так и в практике «проблем» и «конфликтов» более чем достаточно, они являются проявленными, а, следовательно, требуют юридического осмысления, систематизации и причём на антропологическом уровне.

Правда, нельзя не указать на одно из основательных и, по сути, фундаментальных исследований в аспекте антропологии «правового конфликта», проведённое С. Бобровник («Компромисс и конфликт в праве: антрополого-коммуникативный подход» (монография), 2011 г.). И хотя учёная приходит к выводам о наличии упадка правокомпромиссных средств преодоления юридического конфликта в праве, как и обоснованно на то, что правовые конфликты в рамках позитивизма с точки зрения этатизма и нормативизма связываются все же с познанием и теорией процесса реализации норм права на практике и т.д. [5, с. 331, 332]. И все-таки остались не рассмотренными проблемы, которые должны касаться тех конфликтов и проблем, которые связаны непосредственно с судопроизводством в антропологическом его измерении (ну и, конечно, гражданского судопроизводства). Не рассмотренным

остался и методологический инструментарий по выявлению усложнений правового регулирования, как и касательно правовых аномалий, дисфункций права.

Значительное влияние на дальнейшее развитие антропологии права оказал труд В. Наставной («Антрополого-коммуникативный подход исследования права: природа, содержание, функциональное назначение», кандидатская диссертация, научный руководитель С. Бобровник, 2018 р.). Но снова-таки, исходя из анализа полученных результатов исследования, к сожалению, следует констатировать отсутствие призмы исследования именно через проблематику процессуальных конфликтов, что, очевидно, объясняется широким подходом к проблемам и тем более через аспект «коммуникации» [15, с. 4–6]. Ради объективности следует указать на то, что исследовательница находит все-таки важное значение для интегративного правопонимания применение антрополого-коммуникативного методологического подхода при познании права. Ведь именно оно занимает соответствующее место и в прикладном аспекте [15, с. 9], а поэтому является ценным и для гражданского судопроизводства.

При таких обстоятельствах становится очевидным, что конфликты отслеживаются не столько антропологическим путём, или могут быть идентифицированы, оценены, сколько могут быть и решены, преодолены. Именно призма антропологии даёт возможность с максимальной точностью выяснить кризисные состояния правовой материи, её деформацию и правовую природу, а вслед за этим и нейтрализовать.

Но тут следует задаться вопросом: «правовая антропология» – «конфликты» составляют ли они одну сферу с конфликтным правом? Если да, то в чем их объединённая идея состоит? И в чём именно тогда выражается иная сторона функции правосудия в гражданских делах?

В теории права некоторыми исследователями «конфликтное право» определяется как обусловленные конфликтом отношения в социуме юридических норм, содержащих негативные правовые средства, направленные на регулирование (упорядочение) конфликтных отношений между индиви-

дами и организациями, а также между ними и правовыми предписаниями, которыми определяется мера дозволенного и правомерного поведения социальных субъектов в обществе. В свою очередь отмечается, что именно под негативными юридическими средствами следует понимать те правовые инструменты, функцией которых является ограничение (воздержание, преодоления и устранения) неправомерной активности взаимодействующих субъектов, детерминирующих повышенную активность отношений в социальных системах (запреты, превенции, предписания, негативные санкции, ретроспективная юридическая активность) [20, с. 267]. Такое понимание права даёт основания осознать идею причинения определённой рефлексии в социуме от действия позитивного права, как и познать его иную сторону, сторону, обуславливающую его несовершенство, наличие пробелов, правоограничений. Такой диссонанс можно рассматривать, действительно, даже как проявление не столько конфликта, сколько уже определённых аномалий в праве, дефектов, уязвимых состояний.

Учёный-цивилист Р. Майданик также видит в праве проявление идеи аномалий. Он отмечает, что по своему характеру аномальные явления в праве могут быть правомерными и неправомерными. Где противоправный характер приобретают те аномальные права и конструкции, предполагающие очевидный дисбаланс прав их участников, не установлен закон или обычаями, которые противоречат моральным основам общества, принципам справедливости, разумности и добросовестности, другим критериям оценки соответствия между правом человека на частную собственность и общим (публичным) интересом [1, с. 44].

Поэтому, охватывая неблагоприятные процессы в сфере публичного и частного права, можно с очевидностью сказать, что такие процессы присутствуют и при судебном споре, который всегда окутан своеобразной спецификой конфликта. Это и обостряет необходимость понимания действительных проблем от состояний конфликтов и аномалий, их взаимодействия на уровне процессуального и материального права, публичного и частного, получая соответствующее негативное

распространение (закрепление дефектности) в правовой материи в целом [14, с. 135–136].

В дополнение к этому следует добавить позицию М. Чуваковой. Учёная, исследуя вопросы понятия и видов правовых аномалий, отмечает, что аномалия – вопрос довольно-таки широкий. Ведь, кроме общих характерологических качеств, отклонения от нормы она может служить синонимом, по сути, все той же патологии. Причём исследовательница обращает внимание, что аномалии связаны с противоположностью нормы. Противоположность нормы – дисгармония, которая должна быть связана с разрешением антагонистических противоречий, то есть таких, которые не способны образовать баланс. Преимущество же в результате антагонистического развития одной из таких противоположностей состоит в том, что они образуют новую систему взаимосвязей, приводя к аномалии последних [28, с. 167]. По мнению учёной, правовые аномалии также имеют немало иных проявлений, но только не таких, которые классифицируются как правонарушения. По её мнению, это связано с тем, что правонарушения характеризуются несколько иной правовой природой последних [28, с. 168]. Вряд ли можно полностью согласиться, исходя из того, что правовые аномалии – это скорее аспект безопасности права, права как инструмента, которым можно и злоупотреблять. Злоупотребление же – не что иное как неисполнение обязанности [17, с. 178–180]. Более того определять аномалию можно и по единичному юридическому факту, как и по фактическому составу, который в целом и будет свидетельствовать о правонарушении, а по существу – неисполнения все той же обязанности.

В то же время можно отметить, что довольно близко к антропологическому измерению гражданского процесса следует считать научные исследования, которые были направлены на аспект безопасности. Думается, это связано с тем, что, когда мы говорим о такой проявленной грани правовой материи (антропологической её сути), как «реальность» (правовая, процессуальная реальность) или «преодоление конфликтов» (процессуальных, правовых), то становится очевидным, именно здесь проявляется наличие феномена

безопасности как определённого состояния защищённости, предсказуемости и т.д. Именно в природу безопасности в праве входят аспекты контроля над конфликтной ситуацией.

В связи с этим следует обратить внимание на научный труд А. Бригинца «Правовое обеспечение финансовой безопасности Украины» (докторская диссертация, Ирпень, 2017 г.). Исследователь находит, что финансовую безопасность государства следует рассматривать как состояние, при котором обеспечивается надлежащее функционирование всех субъектов финансовых правоотношений в государстве. К тому же оно характеризуется устойчивостью к любым реальным или потенциальным, внешним или внутренним негативным воздействиям. В то же время финансовая безопасность способна обеспечить эффективное функционирование национальной финансовой системы, а также её поступательное развитие [6, с. 6]. Исходя из таких характеристик, усматриваются такие важные составляющие, как «устойчивость» определённой системы «к любым негативным вызовам». Отсюда: устойчива ли отечественная система гражданского судопроизводства к разного рода реальным или потенциальным внутренним или внешним состояниям, конфликтам, аномалиям?

Анализируя законодательство о безопасности, невозможно не обратить внимание на функцию контроля суда и её роль в контексте самой идеи безопасности (ст. 9 Закона Украины «О национальной безопасности», 2018 г.). Исходя из норм этого Закона, можно указать на то, что феномен «контроля» и обуславливает состояние защищённости. Отсюда следует считать, что функция контроля состояния доктрины гражданского судопроизводства (в том числе, относительно судебной практики) является важной составляющей формирования качественного концепта безопасности. Последняя же не может быть постигнута без антропологического измерения права на предмет выявления и оценки конфликта, аномалий в процессуальной системе или ветхих состояний, собственно, как и без оценки состояния антропологического кризиса как реального источника действительных проблем в гражданском процессуальном праве.

Поэтому, исходя из вышеизложенного, целью исследования является выяснение антропологического измерения гражданского процессуального права как концепта конфликтного права в переходный период. Решение этих вопросов позволит заложить основу идеи и выработки модели для гражданского судопроизводства на предмет правовых знаний и теоретических подходов, направленных на осуществление судопроизводства и его модели с правовой реальностью; как и установление основных подходов к правовому конфликту и других аномалий и осложнений, назревших в гражданском судопроизводстве.

Основные результаты исследования. Так, в юридической энциклопедии правовая антропология объясняется тем, что определяется именно как сфера правовых знаний и система теоретических подходов, направленных на освещение взаимоотношений человека с правовой реальностью. Здесь же дополняется тезис о том, что правовая антропология исследует не только системы и подходы к разным культурам и социумам, но, когда такие ориентированы именно на аспект урегулирования конфликтов между людьми и обеспечения общественного контроля [32, с. 34].

Таким образом, следует указать, что «правовая реальность» и «урегулирование конфликтов» охватывают антропологическое измерение состояния конфликта. А касательно гражданского судопроизводства такая связь отслеживается более чем очевидно и все из-за того, что гражданское судопроизводство основано в основном на соревновательном процессе. Ведь для гражданской процессуальной отрасли права характерна перманентность противостояний, конфликта.

В подходах к исследованиям антропологического измерения гражданского процессуального права, следует прислушиваться к мнению А. Копыленка и А. Зайчука в том, что критерием эффективности методологической базы исследования в области законотворчества является именно его прикладная ценность: то есть методы, которые применяются, должны давать возможность не только определять проблемы, раскрывать их сущность, но и выяснять причины возникновения разногласий, способствовать поиску путей решения

проблемных вопросов. А по сути способных привести к результатам, адекватным современной правовой реальности [19, с. 808].

Именно «адекватность» в данном смысле и является проявлением «правовой реальности». Более того, соглашаясь с позицией учёных, следует добавить, что именно здесь прослеживается антропологический характер и основа (принципы), методы, которые и должны приниматься во внимание и становиться за основу при тех исследованиях, которые направлены на преодоление проблем, конфликтов и противоречий правопонимания, правоприменения, регулирования и т.д.

О правосудии в гражданском судопроизводстве в антропологическом срезе стоит отметить следующее.

Применительно к «судебному конфликту» развивает мысль П. Рабинович. Учёный на основании антропологического аспекта ведёт диалог о том, что судебное правотворчество и способ его формирования, по сути, отображает состояние «потребительского правопонимания».

Учёный вполне обоснованно обращает внимание на конечный результат вопроса «права на судебное правотворчество» в контексте решений ЕСПЧ. После чего задаётся вполне естественным вопросом: «что есть право» в современный период... Ведь, по его мнению, прежде всего, следует обратить внимание на то, что сегодня одним из перспективных путей поиска ответа на этот вопрос представляется необходимость изучения практики Европейского суда по правам человека, а также норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод [21, с. 238]. Исходя из этого, П. Рабинович предлагает признать суд носителем потребительского правопонимания [21, с. 239]. В то же время он приходит к выводу, что, исходя из европейского правопонимания права, оно – это не что иное, как объективно обусловленные биологическими и социальными факторами конкретные и реальные возможности удовлетворения потребностей (интересов) субъектов социума, справедливо сбалансированные с возможностями удовлетворения потребностей (интересов) других субъектов и всего общества в целом. Именно такое правопонимание можно считать инструментально-

потребительским. А поскольку речь идёт о человеческих потребностях, то оно изначально является антропологическим [21, с. 242].

Е. Овчаренко, исследуя транзитивное правосудие, указывает на то, что статистика ЕСПЧ по количеству обращений украинцев за защитой своих прав характеризуется устойчивой тенденцией к увеличению. Ведь с каждым годом ЕСПЧ выносит все большее количество решений по существу против Украины. Вот к примеру: в 2002 г. – 1 решение; в 2003 г. – 8 решений; в 2004 г. – 14 решений; в 2005 г. – 120 решений; в 2010 г. – 109 решений; в 2011 г. – 105 решений; в 2012 г. – 71 решение; а в 2013. – 69 решений [33; 2, с. 121]. Причём в последнем случае следует учитывать тот факт, что с 2013 г. в Украине продолжается вооружённый конфликт.

В научной литературе отмечается, что практика Суда ЕС указывает на то, что оставление несоответствующего акта в силе и неприменение национальными судами ЕСПЧ практики считается вполне неадекватным средством по отношению к достигнутой согласованности. Поэтому, если судами будет дальше продолжаться игнорирование, то это будет веским основанием для ответственности перед институтами Союза [18, с. 132].

Показательными в отношении судопроизводства являются и те данные, которые свидетельствуют о том, что из общего количества нарушений Украиной Конвенции (которые составляют 477) – это как раз те, которые признаны ЕСПЧ нарушением «права человека на справедливый суд», что закреплено в п.1 ст. 6 Конвенции [33; 2, с. 121]. В целом, по статистике ЕСПЧ, нарушения касаются: превышения разумных сроков рассмотрения судами дел, нарушения права на справедливое судебное разбирательство в части по отношению исполнения решения суда, нарушения, связанные с выплатой задолженности по заработной плате, пенсий и т.д. [25; 29; 2, с. 122].

А. Малишевич, исследуя вопрос пилотного решения ЕСПЧ Иванов против Украины, также отмечает, что одним из значительных препятствий на пути к становлению верховенства права в Украине является систематическое невыполнение решений между-

народных и национальных судебных органов. Такое состояние в конечном результате выступает даже как некая характеристика («особенность» – Я.М.) национальной правовой системы [12, с. 442].

По этому поводу было бы целесообразным сфокусировать внимание на следующих статистических данных. В частности, Е. Овчаренко, опираясь на статистические данные, наведённые судьёй ЕСПЧ от Украины Анной Юдковской, основанные на фактах ЕСПЧ. А именно в 2011–2013 гг. Украина заняла места в первой пятёрке по количеству жалоб её граждан. К примеру, в 2012 г. украинцы подали около 10 000 жалоб, а в 2013 г. на рассмотрении ЕСПЧ находились 13284 заявления, что составляет 13,3% от общего количества заявлений, находящихся в суде (а это почти 100 000) [30; 2, с. 122]. В то же время по состоянию на январь 2013 года в отношении 211 решений сумма компенсации составила около 1,1 миллиона евро (а это в пересчёте – 11,7 миллиона гривен), которые должны быть выплачены из госбюджета [11; 2, с. 122].

С другой стороны, при таких обстоятельствах проявляется определённый парадокс. Ведь, несмотря на многочисленные нарушения, действия ЕСПЧ и институтов ЕС, которые преследуют цель создания прежде всего пространства свободы, безопасности и законности в пределах интегрирующего правопорядка на всем пространстве Союза, и причём независимо от внутренних границ [18, с. 134].

При таких обстоятельствах отслеживаются определённые элементы состояния «аддикции» (в объективном смысле). Этот термин происходит от латинского “*addictus*” и имеет несколько вариаций понимания: слепо преданного, зависимого, обречённого и даже «несамостоятельного», или того, который «не связан никаким авторитетом» [7, с. 28].

В юридической энциклопедии по этому поводу («аддикции») отмечается, что объектом аддикции может быть даже работа (трудоголизм) и то, что дошедшие до аддиктивного состояния требуют даже определённой ... коррекции [31, с. 45]. То есть, очевидно, что «негативная» судебная практика, которая характеризуется противоположностью к декларируе-

мым принципам и демократическим принципам осуществления правосудия на основе верховенства права, именно и обуславливается смыслом аддикции. Ведь статистические данные указывают на очевидно перманентное состояние гражданского судопроизводства, а собственно – его кризис. Такой кризис может определяться несколькими ключевыми факторами: а) по состоянию самого гражданского процессуального законодательства, несостоятельного обеспечить реализацию общеевропейских ценностей при осуществлении судопроизводства; и б) кризисом доктрины гражданского процесса в силу отсутствия методологических отраслевых инструментов; в) неспособности участников гражданского процесса воспринимать верховенство права как базисную надстройку или суда, в лице судей, а также адвокатов, прокуроров и т.д. выполнять требования ЕС стандартов. В последнем случае не может не отслеживаться деформация правосознания («правовой нигилизм», «правовая демагогия», «правовой инфантилизм», «правовой дилетантизм» [16, с. 220–222]). Итак, аддиктивность способна проявляться в объективном и субъективном смысле и, что особенно характерно, и касательно системы правосудия в целом. Отсюда можно вести речь о том, что на протяжении длительного времени в нашем правопорядке все-таки сохраняется «отрицательная зависимость» от определённых факторов, которые, очевидно, являются причиной несоблюдения прав, свобод и интересов при осуществлении гражданского судопроизводства. Возникает вопрос о некоем проявлении антропологического кризиса.

Так в чем же проблема? В доктрине? В состоянии гражданского процессуального законодательства? В судебной практике?

В первую очередь, очевидным становится то, что проблемы, которые связаны с защитой социальных прав судом в Украине, определяют, как бы другую сторону проявления права в действии, его феномена. Ведь становится очевидным, что приведённые выше процессуально-правовые состояния судебной практики не ограничиваются процессуальным механизмом защиты прав отечественным судом или констатацией факта ЕСПЧ несоблюдения прав, сво-

бод и интересов. Эти проблемы, будучи обусловленными внутренними и внешними факторами, по нашему мнению, являются более широкими, чем уровень процессуальной деятельности, нацеленной сугубо на защиту прав, исходя из следующих обстоятельств.

К примеру, с точки зрения «финансовой безопасности» и «безопасности социальных прав». Например, на этом фоне высказывает своё, очевидно обоснованное, беспокойство отечественный учёный Ю. Барабаш.

Учёный, рассматривая вопрос феномена «беззащитных прав» на основе принятых Решений Конституционным Судом Украины (решения от 26 декабря 2011 года № 20-рп / 2011 и от 25 января 2012 года № 3-рп / 2012) [22; 23], отмечает, что в 2010–2011 годах под влиянием целого ряда обстоятельств состоялась коренное изменение в доктринальных подходах Суда к вопросу обеспечения социальных прав. В этих решениях Суд впервые отдал предпочтение принципу «финансовой безопасности» (точнее, «сбалансированности государственного бюджета») в противовес невозможности пересмотра системы гарантий социальных прав, отрицая при этом необходимость удовлетворить права, которые носят абсолютный характер [3].

В то же время следует отметить, что рассматриваемые решения касаются не только вопросов правотворчества, правоприменения или правопонимания, а более системных проблем. Собственно, проблем, ориентированных на дестабилизацию социально-правового правопорядка. Также здесь отслеживаются очевидные проблемы, которые указывают на дополнительный, как бы двумерный мир правовой материи, где эта двойственность проявляется через содержание непреодоленного судом социального и государственно-правового конфликта. Или же преодолеваемого на макроуровне (к примеру, в единоличной ситуации в конкретном гражданском деле о защите того или иного цивилистического права), но и в силу массовости обращений в суд. В последнем смысле этот же «групповой конфликт» способен внести уже дестабилизацию в финансовое состояние государства. А с другой стороны – способен дестабилизировать доверие к судебной ветви власти в целом, как

неспособной влиять и контролировать интересы страны или конкретного гражданина. И это более чем очевидно.

При подобных обстоятельствах состояния судопроизводства и судебной практики выражает беспокойство и отечественный учёный-практик С. Шевчук.

В частности, учёный видит системность проблем с участием/или вследствие судебного правотворчества при защите гражданских прав судом. К примеру, он обращает внимание, прежде всего, на необходимость обеспечения единства судебной практики. Единство судебной практики определяется им как одна из основных ценностей правовой системы. Ведь на этом основании укрепляется уверенность в «правовом будущем», образуется состояние правовой безопасности. Именно при стабильных состояниях судебной системы субъекты права уверены в том, что судебная система действительно защищает людей от произвола государства, при этом квалифицированно и справедливо разрешает конфликты в частной сфере. Но в противном случае, как отмечает учёный-практик, в случае перманентности противоположных решений по аналогичным вопросам одного и того же типа споров, превращает процедуру обращения в суд в своеобразную «лотерею». Это и подрывает доверие к судьям и, несомненно, веру в справедливость, что, в свою очередь, угрожает основам государственности как таковой. Поэтому вполне оправданной следует признать позицию учёного в том, что требования «принципа правовой определённости» сводятся не только к тому, чтобы положения нормативно-правовых актов были чёткими и понятными субъектам правоприменения и всем другим участникам юридического процесса, но и применялись одинаково в аналогичных ситуациях [19, с. 559]. А это уже вопросы профессиональности суда, вопросы его компетентности, как и вопросы единых процессуально-установленных (закреплённых) методик разрешения процессуального конфликта или дела в целом.

Отсюда вполне справедливым представляется утверждение В. Комарова о том, что современные исследования новых отличительных признаков гражданского судопроизводства должны быть ориентированы не на предмет

регулирования гражданского процессуального права, а именно на методы современного гражданского процесса и защиты [18, с. 11].

Таким образом, невозможно не заметить, что в гражданской процессуальной науке сегодня назрела реальная кризисная ситуация в методологических подходах к осуществлению правосудия по гражданским делам. Как отмечается, это кризисное состояние вызвано именно вследствие неэффективности судебной системы, длительных сроков рассмотрения дел, судебного сбора и отсутствия эффективной системы правовой помощи, невыполнение судебных решений и тому подобное. Поэтому становится очевидным и тот факт, что такие обстоятельства не могут не отразиться не наилучшим образом на: системе гражданского судопроизводства; а вслед за этим не побуждать к потребности на доктринальном уровне отыскания системных пробелов и решения вопроса об их преодолении. Поэтому эти вопросы являются вопросами уже скорее всего необходимости проведения ретроспективного анализа, задействуя при этом именно антропологический инструментарий.

В то же время, если мы рассматриваем проблему с точки зрения кризисного состояния, то можно оптимизировать суть проблематики и назвать проблему более удачно – проблемой «антропологического кризиса» в сфере гражданского правосудия. Такой кризис отслеживается, исходя даже из доктринальных концепций, поскольку научному инструментарию не хватает реальных отраслевых инструментов для выявления и преодоления конфликтов, коллизий, осложнений и тому подобное.

В связи с этим следует уточнить, что в философском словаре понятие «антропологический кризис» подаётся как «... коллизии человеческого мироотношения, которые проявляются в неспособности человека адаптироваться к окружающей среде. Антропологический кризис означает также и разбалансированность существенных свойств человека (ума, чувств и воли), деградации определённых способностей человеческого организма, сопровождаемых, в частности, гипотонией, растущим иммунодефицитом, преобладанием т. н. третьего состояния (нет болезни, но нет и полного здоровья); постоянное присутствие

нервного перенапряжения; ослабление чувствительности и связанное с этим ослабление духовности (и душевности); перманентные противоречия в процессе личностной, этнонациональной, социально-групповой и родовой самоидентификации...». Поэтому касательно аспекта гражданского судопроизводства (правосудия по гражданским делам) антропологический кризис, очевидно, означает не что иное, как разбалансированность системы гражданского судопроизводства; проявление различного рода деформации правосознания (правовой нигилизм, правовая демагогия, правовой инфантилизм, т.д.) среди судей, адвокатов, прокуроров и т.д. (профессионалов юристов); неспособности защищать и охранять быстро и эффективно права, свободы и интересы; не способности адекватно реагировать на процессуальные нарушения или неисполнения гражданских процессуальных обязанностей; проявление чётко определённой в связи с этим деформации правосознания среди других участников гражданского процесса; проявление или наличие в гражданской процессуальной системе способностей к осложнениям гражданского процесса; отсутствие подходов к оптимизации гражданской процессуальной формы; антимионии гражданского процессуального законодательства; явно конфликтный характер ряда гражданских процессуальных форм и процедур, производств, их не сбалансированность; собственно все те эффекты, которые ослабляют, скрывают и усиливают процессуальный конфликт и т.д.

Выводы. Учитывая изложенное, следует указать на то, что антропологическое измерение гражданского процессуального права объясняется широким спектром. Оно не обуславливает именно ту сферу права, которая обладает достаточным методологическим инструментарием, но и обеспечивает возможность познать кризисные состояния правовой материи. Это связано с тем, что антропологические измерения (подходы) нацелены на оценку реального течения той или иной процессуально-правовой проблемы. Такие подходы также сфокусированы не только на выявлении проблем в процессуальном праве, но и нацелены на нейтрализацию конкретных конфликтных состояний, осложнений, проблем, аномалий, дисфункций права, как и их последствий.

Также, исходя из общих теоретических антропологических конструкций, можно констатировать факт антропологического кризиса гражданской процессуальной системы, как и самой доктрины гражданского процессуального права, которая не владеет достаточным процессуально-правовым инструментарием для преодоления ряда проблем.

К «антропологическому кризису гражданской процессуальной системы» следует отнести неспособность и несостоятельность процессуальной доктрины и судебной практики преодолеть проблемы и пробелы в праве, обеспечить справедливость и верховенство права в связи с факторами, которые нивелируют судебную форму защиты прав и свобод и законных интересов, вытекающих из объективных и субъективных системных проблем.

В то же время антропологический кризис правосудия (в широком смысле) является феноменом антропологии права, объект которой нацелен на его нейтрализацию. Это и объясняет дополнительную грань проявления права, которую следует обусловить как «конфликтное процессуальное право».

В антропологическом смысле конфликтное процессуальное право является тем проявлением процессуальной материи права, которое познаётся благодаря «негативному его содержанию», поскольку такое обуславливается выявлением (идентификацией) конфликтов, коллизий, осложнений, аномалий, злоупотреблений и правонарушений, собственно, своеобразной «работой» над такими «пороками».

Исходя из этого, можно прийти и к мысли о том, что гражданское судопроизводство является конфликтным правом в силу его юридической основы – перманентного присутствия и зависимости от спора о праве, спора о фактах, обусловленных принципом состязательности; зависимости от публичного механизма разрешения процессуального конфликта; зависимости от строения и архитектоники системы гражданского судопроизводства, что влечёт за собой неспособность сбалансировать режимы реализации судебной власти через утрату «гибкости» и т.д.

Однако именно антропологический срез процессуальной материи позволяет создать систему надлежащего преодоления конфликтов, ибо именно одна

из граней антропологии права нацелена на их разрешение. Но, к сожалению, наука гражданского процесса не подходит к решению проблем с широкой точки зрения; не ставит вопросы о сути и природе «процессуально-правового конфликта»; не идентифицирует уязвимые состояния процессуальной формы; не определяет признаки нестабильности механизма правового регулирования процессуальных правоотношений и т.д. Это означает, что развитие «конфликтного права» как «квази-права», хотя и находит своё отражение в системе процессуального права, но формально, фрагментарно (локально), в силу отсутствия надлежащей методологии познания сути проблем. Хотя все же надежда остаётся за антропологическим подходом, который и призван решить имеющиеся проблемы в перспективе.

Список использованной литературы:

1. Аномалії в цивільному праві України: Навч.-практ. посібн. 2-ге вид., перероб. та доп. / за заг. ред. Р.А. Майданчика. К.: Юстініан, 2010. 1008 с.
2. Базове дослідження із застосування правосуддя перехідного періоду в Україні: монографія / за заг. ред. А.П. Буценка, М.М. Гнатівського. К.: «РУМЕС», 2017. 592 с.
3. Барабаш Ю. Беззахисні права чи необґрунтовані сподівання? – роздуми правника з приводу конституційних засобів захисту соціальних прав. Голос України. від 05.05.2016 р. URL: <http://www.golos.com.ua/article/268300>.
4. Бігун В.С. Філософія правосуддя: ідея та здійснення: монографія. К., 2011. 303 с.
5. Бобровник С.В. Компроміс і конфлікт у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу: монографія. К.: Вид-во «Юридична думка». 2011. 384 с.
6. Бригінець О.О. Правове забезпечення фінансової безпеки України: автореф. дис ... докт. юрид. наук. Ірпінь: б. в., 2018. 36 с.
7. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., «Русский язык», 1976. 1096 с.
8. Завальнюк В.В. Принцип антропологии права у теоретико-правових дослідженнях сучасності. Наукові праці Національного університету

«Одеська юридична академія»: зб. наук. пр. / редкол.: С.В. Ківалов (голов. ред.), В.М. Дрьомін (заст. голов. ред.), Ю.П. Алєнін та ін.; відпов. за вип. В.М. Дрьомін; МОН України, НУ ОЮА. Одеса: Юрид. л-ра, 2012. Т. 11. С. 19–29.

9. Загальна теорія права: підручник / За заг. ред. М.І. Козюбри. К.: Ваіге, 2015. 392 с.

10. Кравченко А.П. Антропологічний принцип у сучасному вітчизняному правознавстві та філософії права. Філософські обрії. Наук.-теор. часопис Інст. філос. НАН України та Полт. держ. пед. ун-ту. Полтава: Вид-во Полт. держ. пед. ун-ту, 2007. Вип. 17. С. 266–278.

11. Кондратьєва О. Виконання судових рішень: нові закони та проблеми Юридичний вісник України. 2012. № 5. URL: <http://www.judges.org.ua/dig3881.htm>.

12. Малишевич А.А. Пілотне рішення Європейського суду з прав людини Іванов проти України як результат систематичних порушень принципів верховенства права. Загальнотеоретичне правознавство, верховенство права та Україна. Збірник наукових статей. / Гол. редактор: А. Мелешевич. К. ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. С.442–452.

13. Максимов С. Антропологічні основи права. Філософія права і загальна теорія права. № 2/2012. С. 148–155.

14. Мельник Я.Я. Парадигма феномена безпеки в доктрині службового права: вступ до концептуального аналізу дефектів цивільного процесуального права. Службове право: витоки, сучасність та перспективи розвитку: колективна монографія / За заг. ред. Т.О. Коломєць, В.К. Колпакова. Запоріжжя: Видавничий дім «Гельветика», 2017. С. 135–136.

15. Наставна Г.В. Антрополого-комунікативний підхід дослідження права: природа, зміст, функціональне призначення: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Київ. 2018. 18 с.

16. Оборотов Ю.М., Крестовська Н.М., Крижанівський А.Ф., Матвєєва Л.Г. Теорія держави і права. Державний іспит. Харків: Одісеї, 2010. 256 с.

17. Особливості дії цивільних процесуальних обов'язків в Цивільному процесуальному праві України: монографія: / М.Б. Мельник, Я.Я. Мельник, М.М. Ясинок. / За загальною редакцією д. ю. н., професора М.М. Ясинка. К.: Алерта, 2014. 336 с.

18. Позовне провадження: монографія /В.В. Комаров, Д.Д. Лу-

спеник, П.І. Радченко та ін.; за ред. В.В. Комарова. Х.: Право, 2011. 552 с.

19. Правова доктрина України: у 5 т. Х.: Право, 2013. Т.1: Загальнотеоретична та історична юриспруденція. / В.Я. Тацій, О.Д. Святоцький. С.І. Максимов та ін.; за заг.ред. О.В. Петришина. 976 с.

20. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 400 с.

21. Рабінович П. Прояви потребового праворозуміння у рішеннях європейського суду з прав людини. Антропология права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників ІХ Міжнародного круглого столу (м. Львів, 6–7 грудня 2013 року). Львів: Галицька Видавнича Спілка, 2014. С. 238–246.

22. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційними поданнями 49 народних депутатів, 53 народних депутатів України і 56 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) пункту 4 розділу VII «Прикінцеві положення» Закону України «Про Державний бюджет України на 2011 рік»: Конституційний Суд; Рішення від 26.12.2011 № 20-рп/2011. / Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v020p710-11>.

23. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням правління Пенсійного фонду України щодо офіційного тлумачення положень статті 1, частин першої, другої, третьої статті 95, частини другої статті 96, пунктів 2, 3, 6 статті 116, частини другої статті 124, частини першої статті 129 Конституції України, пункту 5 частини першої статті 4 Бюджетного кодексу України, пункту 2 частини першої статті 9 Кодексу адміністративного судочинства України в системному зв'язку з окремими положеннями Конституції України: Конституційний Суд; Рішення від 25.01.2012 № 3-рп/2012: Нормативні акти Конституційного Суду України / Висновки Конституційного Суду України / 2016 рік / 2-в/2016. / Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v003p710-12>.

24. Сатохіна Н.І. Розуміння у здійсненні права: герменевтичний підхід: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Харків: б. в., 2010. 20 с.

25. Статистика Європейського суду з прав людини: офіційний веб-сайт Європейського суду з прав людини. URL: <http://www.echr.coe.int/ECHR/EN/Header/Reports+and+Statistics/Statistics/Statistical+information+by+year/>.

26. Цивільний процесуальний кодекс України: Верховна Рада України; Кодекс України, Кодекс, Закон від 18.03.2004 р. № 1618-IV. / Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1501-06>.

27. Цивільний процесуальний кодекс України: Верховна Рада України; Кодекс України, Кодекс, Закон в редакції від 24.02.2018 р. № 1618-15. / Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1618-15>.

28. Чувакова Г.М. Поняття та деякі види правових аномалій. Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції: монографія. / Ю.М. Оборотов, В.В. Завальнюк, В.В. Дудченко та ін.; за ред. Ю.М. Оборотова. Одеса: Фенікс, 2012. С. 166–174.

29. Україна виплатила 147 мільйонів за порушення прав людини – уповноважений. URL: <http://www.judges.org.ua/dig4357.htm>.

30. Юдковская Анна: «При потере судьями ощущения независимости можно забыть о правах человека» / С. Сидоренко. URL: <http://www.judges.org.ua/dig3879.htm>.

31. Юридична енциклопедія: В 6 т./ Редкол.: Ю.С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. К.: «Укр. енцикл.», 1998. Т. 1: А–Г. 672 с.

32. Юридична енциклопедія: В 6 т. / Редкол.: Ю.С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. К.: «Укр. енцикл.», 1998. Т.5: П–С. 2003. 736 с.

33. VIOLATIONS BY ARTICLE AND BY STATES 1959–2013. URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports>

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Мельник Ярослав Ярославович – кандидат юридических наук, докторант Института законодательства Верховной Рады Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Melnik Yaroslav Yaroslavovich – Candidate of Law Sciences, Doctoral Student at the Institute of Legislation of the Verkhovna Rada of Ukraine

jaroslav_melnik@ukr.net